

НЕТУСКНЕЮЩИЙ ТАЛАНТ

В последний раз я слышал Павла Лисициана давно — лет пятнадцать тому назад. В Большом театре шла «Травиата». Вот на сцене появился Жорж Жермон. Это был не традиционный «благородный отец» и не обычный певец, более-менее ловко умеющий носить фрак. Изящный, еще совсем не старый человек быстро оглядел обстановку и спокойно и тоже изящно присел на диван, умело скрывая тревогу.

Так, еще до того, как в союзе с певцом стал действовать гениальный Верди, свершилось актерское чудо — место исполнителя занял реальный персонаж, рожденный творческой фантазией драматурга и композитора. А когда народный артист СССР Павел Лисициан запел, свободно и тоже изящно ведя — именно ведя — нелегкую и в то же время вполне светскую беседу, театральная иллюзия стала полной. Очаровывал голос певца — густой, неповторимо красивого тембра, поражала его удивительная музыкальность, умение извлекать максимум из каждого слова, из каждой музыкальной фразы.

И вот — после такого перерыва — новая встреча. К чувству радости, с которым мы все шли на концерт, состоявшийся в канун праздника в зале областного лектория, примешивались вполне понятные опасения. Как часто — увы — такие встречи становились только вечером воспоминаний. Но едва только П. Лисициан запел, едва только поплыли по залу звуками бархатного,

«виолончельного» баритона, как стало ясно, что маститый певец сумел пронести свое искусство сквозь годы. Он пел вещь, редко исполняемую, — арию Ксеркса из одноименной оперы Генделя, пел на итальянском языке. Слушатели знали только общее содержание произведения. Но доставляло подлинное наслаждение следить не только за широкой распевной мелодией, не только впитывать в себя чарующий голос исполнителя, но и за тем, как певец строит музыкальную фразу, за самим процессом звуковедения, за тем, наконец, как выпевает он незнакомые слова чужого языка.

Это была вокализация, исполненная подлинной культуры, высокого мастерства и артистизма.

В этот вечер Павел Лисициан спел большую и разнообразную программу, включавшую русскую и западную классику, произведения советских композиторов, песни и романсы армянских авторов. Но, исполнял ли он свой традиционный оперный репертуар — арию Мизгира из «Снегурочки» Римского-Корсакова, «Эпиталаму» из «Нерона» Рубинштейна, обращался ли к национальной лирике в романсах Спендиарова «Лесной кизил, уста твои» и «К розе», открывал ли драматические страницы лирики Чайковского и Рахманинова («Страшная минута», «Зачем»; «Вчера мы встретились»), — все это было спето на уровне высокого профессионального мастерства и артистизма. Правда, может быть, некоторым слу-

шателям могла показаться несколько нарочитой «оперная» драматизация известных романсов, но именно эти качества П. Лисициана-вокалиста позволили ему достигнуть музыкально-философских обобщений при исполнении сонетов Шекспира (музыка Кабалевского).

В то же время певец показал себя мастером тонкой акварельной вокальной лирики. Романс Шуберта «К музыке», старинный русский романс Абазы «Утро туманное», «Романтическая песня» из вокального цикла Равеля «Дон-Кихот — Дульцинее» были очень тепло встречены томскими любителями музыки, до отказа заполнившими в этот вечер зал областного лектория.

Своеобразным заключительным аккордом концерта явилась спетая П. Лисицианом на «бис» и широко известная в его исполнении по грамзаписям, радио- и телепередачам песня А. Долуханяна «Моя Родина» — одно из наиболее удачных воплощений этой близкой каждому темы в советской вокальной литературе.

В концерте приняли участие также пианист Исаак Изачек, чуткий и своеобразный партнер-аккомпаниатор певца, с большой экспрессией исполнивший соло музыкальную картину Листа «Долина Обермана» (из цикла «Годы странствий»), и артист Герасим Лисициан, прочитавший ряд переводов Маршак из Бернса и английской народной поэзии.

Б. БЕРЕЖКОВ.

18 НОЯ 1970

ТОМСКОЕ ЗНАМЯ